

Любовь ♥

по алгоритму

Как Tinder

диктует

с кем нам

спать

Жюдит
Дюпортей

×

18+

Жюдит Дюпортей
Любовь по алгоритму. Как
Tinder диктует, с кем нам спать
Серия «/sub»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68300854
Любовь по алгоритму. Как Tinder диктует, с кем нам спать:
Индивидуум; Москва; 2020
ISBN 978-5-6043606-7-5

Аннотация

Сегодня в смартфонах проходит почти вся наша жизнь – в том числе и личная. Мы доверяем алгоритмам подбор партнеров для секса на одну ночь или создания семьи, продолжая считать, что все в наших руках. 50 миллионов пользователей Tinder не могут ошибаться. Или могут? Французская журналистка Жюдит Дюпортей на собственном опыте решила узнать, как устройство Tinder влияет на романтические отношения и нашу самооценку и какие ловушки патриархата таит в себе приложение. «Любовь по алгоритму» – это проникновенный рассказ о поисках любви в цифровую эпоху, в котором каждый может увидеть себя – и узнать то, что большие компании предпочитают скрывать от наших глаз.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Жюдит Дюпортей
Любовь по алгоритму.
Как Tinder диктует,
с кем нам спать
/sub

Judith Duportail – L'amour sous algorithme

This edition is published by arrangement with Editions Goutte d'Or in conjunction with its duly appointed agent Books And More Agency #BAM, Paris, France.

All rights reserved.

© Éditions Goutte d'Or, 2019

© Judith Duportail, 2019

© Т. Тростникова, перевод, 2020

© Н. Гринь, перевод послесловия, 2020

© ООО «Индивидуум Принт», 2020

* * *

*Моему дорогому папе, покинувшему этот мир
между второй и третьей главами.*

Я запретила тебе читать эту книгу.

Ты ответил:

*«Чудесно! Ни одна хорошая книга не была
написана в попытке угодить родителям».*

Предисловие

Книга Жюдит Дюпортей вышла на русском языке с пометкой 18+. Но правильнее всего было бы снабдить ее предупреждением о том, что содержащийся в книге материал может вызвать у читателей – и особенно у читательниц! – ярость, обиду, слезы и чувство глубокой досады. Действительно, своим исследованием устройства алгоритма Tinder Дюпортей ставит огромное число людей перед неприятным фактом: их обманули, обвели вокруг пальца, как маленьких детей. Причем не просто обманули, а воспользовались самым уязвимым, что есть в человеке: жаждой близости, тепла, сексуальной свободы и даже – чем черт не шутит – любви. Делясь историями из своей жизни (вас ждет знакомство с Мистером Миражом, Мистером Лонг-Айленд и еще с 868 мистерами), Дюпортей рассказывает о своем расставании с иллюзиями о мире дейтинговых приложений и их способности сделать ее счастливее. «Часы, проведенные в Tinder, горькая и мрачная пустота, чувство неполноценности и неспособность отказаться от использования приложения помогли в строительстве империи. Моя тоска – их источник прибыли», – заключает она в конце своего журналистского исследования.

Печально, но факт: вопреки утверждениям пиар-службы и рекламных кампаний Tinder, загрузив приложение в смарт-

фон, вы вовсе не избавитесь от цепей патриархата и не сбросите со своих плеч груз несвободы. Напротив: незаметно для себя вы попадете в мир еще большей несвободы – замаскированный брызгами шампанского, облаками конфетти и потоками лайков от прекрасных незнакомцев. Жюдит Дюпортей показывает неприглядную коммерческую изнанку этого мира, чьи напечатанные черным по белому законы больше всего похожи на «инопланетную инструкцию по использованию людей».

У этой несвободы несколько форм.

Первая – это зависимость от алгоритмов, суть которых непонятна, недоступна и не подотчетна конечному пользователю. Дюпортей потребовалось почти два года, чтобы изучить устройство Tinder, понять его принцип подбора партнеров и выяснить, как именно приложение управляет ее персональными данными. Она обращалась за консультациями к первоклассным экспертам: программистам, юристам, психологам, маркетологам, социологам. Неудивительно, что из 57 миллионов пользователей Tinder во всем мире¹ Дюпортей стала первой – и единственной – получившей исчерпывающую информацию о приложении. Ее блестящее расследование будет интересно не только пользователям дейтинговых платформ, но и всем, кого беспокоит центральная идея этой книги: «Мы на пути ко все более абстрактной и непрозрач-

¹ Данные на март 2020 года: <https://www.businessofapps.com/data/tinder-statistics/>, последний доступ 27 марта 2020. – Прим. авт. предисловия.

ной модели общества, в которой собранные на вас без вашего ведома данные, возможно, даже на несколько лет устаревшие, будут иметь огромное влияние на вашу жизнь. В итоге все ваше существование будет поставлено с ног на голову, предопределено исключительно на основании собранных о вас данных».

Вторая форма несвободы, заложенная в сам алгоритм Tinder, – это сексуальная объективация. Широко растиражированная самим же Tinder идея о том, что дейтинговые приложения раскрепощают женщин, – увы, миф. Изучив патентные документы приложения, Дюпортей обнаружила, что заложенная в Tinder схема мэтчинга партнеров по умолчанию исходит из представления о том, что в «правильной» паре мужчина должен быть статусно выше, чем женщина. «Tinder основывается на патриархальной модели гетеросексуальных отношений», – заключает Дюпортей. Успех приложения во многом объясняется тем, что патриархальная модель необычайно живуча и может принимать множество форм. Одна из этих форм – якобы свободный рынок сексуальности, где преимущества мужчин побогаче и женщин помоложе в прямом смысле слова оказываются *запрограммированы* в социальную интеракцию.

Третья форма зависимости, о которой пишет Дюпортей, – это зависимость эмоциональная. Tinder – это поставщик быстрого дофамина, инструмент мгновенного поднятия самооценки. Здесь всегда можно получить лайк, убедиться в

своей желанности, почувствовать себя звездой. Зависимость возникает не только потому, что в приложении всегда можно «найти кого-то получше», – но потому, что этот воображаемый «кто-то получше» может поставить свой суперлайк *тебе* и на секунду утолить тошнотворное чувство одиночества. Но быстрый дофамин требует жесткого самоконтроля, основной принцип которого емко сформулировал один из «мистеров», встреченных Дюпортей: «Я не влюбляюсь в девушек из Tinder». Кто хочет быть успешным на рынке свайпов, не должен «залипать». А если залипнет, то через несколько дней Tinder пришлет ему озабоченное сообщение: «Вы давно не заходили в приложение». Все ли с вами в порядке, дорогой пользователь? Или вы опустились до уровня Дюпортей, «единственной дуры, умудрившейся влюбиться в Tinder», этого «планктона на нижней ступеньке любовной лестницы».

И все же: даже узнав о Tinder печальную правду, многие из нас все равно не захотят – и не смогут – от него отказаться. Во-первых, кому-то просто везет: каков бы ни был алгоритм приложения, некоторым удастся встретить с его помощью людей, с которыми приятно провести ночь, год, остаток жизни. Во-вторых, в индивидуализированном, глобализированном, постоянно меняющемся мире Tinder решает проблему обретения новых контактов. Если последние поколения XX века еще в основном знакомились на работе, по месту учебы или через родственников, то их дети – и теперь уже

внуки – часто не имеют ни постоянной работы, ни постоянного места учебы, ни постоянно проживающих рядом родственников. Tinder заменяет им соседку, школьного друга, двоюродного брата или сестру – он вводит их в мир других людей.

Мы не сможем отказаться от Tinder – но мы можем задуматься о том, как именно мы хотим его использовать и как именно мы хотим обращаться с людьми, с которыми нас сводит его цифровая воля. Принимая во внимание то, о чем рассказывает книга Дюпортей, у нас есть шанс задуматься о том, как бороться с несвободой, которую нам навязывают. Пожалуй, главный вывод, к которому приводит эта книга, – это вывод о необходимости сделать эмпатию главным ориентиром как в поиске партнеров, так и в общении и в расставании с ними.

Сейчас, в момент, когда я пишу эти строки, а издательство готовит книгу Дюпортей к печати, Европа охвачена пандемией коронавируса. В больших городах установлен жесткий карантин, социальные сети полны паники, а пользователи Tinder выкладывают в свои профили фото с рулонами туалетной бумаги и пачками макаронных изделий. Но неловкие и надоедливые мемы о карантинном дефиците стали не единственным новым явлением в Tinder. По наблюдению самих пользователей, гораздо важнее совсем другая тенденция: в мир дейтинга вернулись долгие ухаживания, двухнедельная переписка, ожидание встречи, разговоры о чув-

ствах: страхе, растерянности, одиночестве в самоизоляции. Возможно, карантин принесет в Tinder сочувствие и тепло, которые в него не смогли принести времена получше. И хочется верить, что они не исчезнут оттуда вместе с изобретением вакцины от сухого кашля.

Эта грустная книга может сделать свободнее всех нас — людей, чья жизнь управляется сотнями неизвестных нам алгоритмов. Вместе с издательством Individuum я ставлю ей большой суперлайк.

Полина Аронсон,

*социолог, журналист. Редактор порталов openDemocracy
Russia и dekode.ru, постоянный автор Colta.ru*

Глава 1

5 звезд на BlaBlaCar

Я заранее пришла на тренировку: жду начала, прислонившись к стене. Скрип кроссовок по линолеуму напоминает мне о школьных уроках физкультуры, когда мы все толпились в едва отапливаемом коридоре спортзала, запахая терпением перед нескончаемым часом гандбола или какой-нибудь другой ненавистой командной игры. Разница лишь в том, что отопление здесь отлично настроено, и из всех присутствующих я одна одета, как в школе. Я резко выделяюсь на фоне девушек с идеально заплетенными косами, которые элегантно развеваются, когда они бегают по дорожкам, как грациозные газели.

Я стараюсь плавно соскользнуть по стенке и сесть на пол, но не сразу замечаю, что моя футболка зацепилась за угол доски объявлений. Пока я сажусь, она задирается и тянет за собой доску, а я торможу на полпути в недоумении. Я несколько секунд стою в нерешительности и не понимаю, почему мой живот у всех на виду. В конце концов одна девушка, в глаза которой я не решаюсь посмотреть, освобождает меня со словами: «Женщина, у вас футболка зацепилась». Женщина! На дворе 2014 год, мне 28 лет, и всё чаще меня называют женщиной, а не девушкой. Каждый раз немного

больно это слышать, словно заноза в пятке напоминает о себе.

Наконец, устроившись на полу, я достаю телефон, чтобы придать себе уверенный вид. Утром я скачала Tinder – приложение для знакомств, созданное в 2012 году и появившееся во Франции год спустя. Оно моментально набирает популярность благодаря удобному интерфейсу: здесь не нужно рисоваться, если вам кто-то понравился. Просто смахните вправо, чтобы поставить пользователю лайк, или влево, чтобы его пропустить. Именно этот жест называют «свайпом». Если человек, который вам понравился, лайкнет вас в ответ – произойдет «мэтч», и вы сможете поболтать. А если нет, то ничего не происходит.

Tinder и абонемент в спортзал – все в один день! «Идеальный набор после расставания», – написала я в «Фейсбуке» своей подруге Зоэ², изображая уверенность во время приступа отчаяния. Теперь Tinder и спортзал для меня навсегда будут связаны с одной простой мыслью: если хочешь выделяться, надо работать над собой.

Эта мысль впервые посетила меня в прошлую субботу, когда я наткнулась в «Фейсбуке» на рекламу спортзала. Судя по всему, это произошло не случайно: в феврале 2017 года Facebook опубликовал на сайте Facebook IQ, посвященном брендам, исследование³ о поведении своих пользовате-

² Имя изменено. – Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

³ What Mends a Broken Heart on Facebook, Insights.fb.com, 3 февраля 2017 года,

лей после расставания. Статью потом удалили, но текст все еще можно найти – его перепостило множество СМИ⁴. Социальная сеть объясняла рекламодателям, почему им нужно покупать рекламу, таргетированную на пользователей, только что разорвавших отношения. По словам Facebook, эта категория пользователей склонна «экспериментировать и искать новые хобби». Это утверждение подкреплялось статистикой: 55 % пользователей Facebook отправились в путешествие сразу после расставания.

На самом деле Facebook не обязательно было проводить целое исследование, чтобы выяснить, что человек в расстроенных чувствах склонен к переменам в жизни. Спросите у парикмахеров, сколько клиентов приходит к ним, чтобы перекрасить волосы после расставания с партнером. Но Facebook двигает этот концепт дальше, как бы предоставляя парикмахерам список людей, которые только что пережили разрыв отношений.

До начала занятия 15 минут, время еще есть. Я впервые открываю Tinder. Приложение просит выбрать фото для профиля из тех, что есть у меня в «Фейсбуке». Просмотр фоток добавляет мне уверенности в себе. Я вспоминаю, что представляю из себя нечто большее, чем бесформенный овощ в растянутой футболке и старых легинсах, чьи резинки про-

сейчас статья удалена.

⁴ Удаленное исследование цитируется в статье: Comment Facebook commercialise vos chagrins d'amour [онлайн-версия], Capital.fr, 6 февраля 2017 года.

свечивают через ткань. Сидя тут, я чувствую себя водорослью, глубоководной странной водорослью с листьями-резинками, которую треплют течения. На всех этих фото я с неизменной улыбкой и идеальной укладкой стою в выигрышных позах: никаких выбившихся прядей, складок на животе и целлюлита на бедрах.

Трудно поверить, что эта водоросль и «идеальная я» – один и тот же человек. Я ищу фотографии, лучше всего маскирующие мою подводную сущность, то дно, где живут мои самые темные, пугающие и постыдные мысли, похожие на жутких рыб, которые обитают среди обломков кораблей и никогда не видят солнечного света. Видны ли огромные кальмары моих неврозов на той фотке, где я позирую в ярко-синем шарфе у Тейт Модерн – лондонского музея современного искусства? А на этой, где я стою в новогодней шапке и помешиваю глинтвейн, – заметно, как сильно я нуждаюсь в любви?

Останавливаюсь на фото в каноэ: тут у меня развеваются волосы и не видно жира на руках. В сердце кольнуло – эту фотографию сделал мой бывший. Можно ли ее выбрать для Tinder? Нет, ну конечно, нет... Но фотка же такая классная... «Если она поможет мне встретить новую любовь, это можно будет считать подарком от бывшего», – убеждаю я себя, пытаюсь оправдать собственную неделикатность.

В моем профиле появляются возраст и профессия – эта информация автоматически подгружается из «Фейсбука». В

поле «Обо мне» пишу: «5 звезд на BlaBlaCar». Вроде бы выглядит неплохо. Чтобы не попасть в категорию «Бриджит Джонс», нужно уметь лукавить – все одинокие девушки за тридцать это знают. Я хочу показать, что отлично понимаю концепт «ярмарки съема» и нахожу его забавным, ведь я выше всего этого. В мире одиноких есть победители и проигравшие – досадно, но это так; есть те, кто командует, и те, кто подчиняется. Если я хочу кого-то подцепить, даже на одну ночь или на час, мне нужно вписаться в первую категорию. А для этого надо относиться к жизни с легкой иронией.

В любом случае прямо сейчас я не ищу серьезных отношений. Я только переехала в свою новую квартиру и хочу пожить без забот, хочу ходить по барам и целоваться на заднем сиденье парижского такси, хочу танцевать по ночам и целыми днями валяться в кровати.

Я выхожу из спортзала и отправляюсь за спортивной формой в American Apparel. Это самые дорогие черные легинсы и базовая футболка в моей жизни. Но мне все равно – форма-то нужна. Стоя в очереди на кассу, я снова открываю Tinder.

Как такое возможно? Мне не кажется? Все эти мужчины меня лайкнули? Все эти блондины, брюнеты, бородачи, хипстеры в очках (в то время они еще не носили эти дурацкие шапочки), все эти двадцати-тридцатилетние завоеватели – все они меня лайкнули? На самом деле в этом не было ничего странного. Подавляющее большинство мужчин до то-

го, как Tinder ограничил количество лайков, смахивали всех девушек вправо и уже потом выбирали. Но поначалу я повелась на эту сладкую иллюзию. Я получила дозу нарциссизма, будто мне сделали внутривенную инъекцию. Еще бы: я понравилась стольким парням сразу!

Снова просматриваю фото в профиле: ну да, все логично. Я ведь хороша! На самом деле хороша, нет, ну правда! В животе начинают порхать бабочки, словно я влюбилась. И я далеко не единственная, кто ищет утешения в черном зеркале смартфона: согласно исследованиям⁵, женщины чаще пользуются Tinder для повышения самооценки, тогда как мужчины хотят найти себе пару или отношения на одну ночь.

Поначалу я упиваюсь этим. Каждый мэтч латает дыры в моей самооценке, словно микропластырь. Ноги немеют от каждого уведомления. Я скачиваю все приложения для знакомств. Happn – французский конкурент Tinder. Приложение позиционирует себя несколько иначе: его задача – свести вас с людьми, которых вы встречали, но не решились познакомиться. Тут нет никаких свайпов, перед вами просто появляется список пользователей, находящихся поблизости. OkCupid – приложение Match Group, разработчика Tinder. У него есть веб-версия, где надо заполнять более привычный профиль, отвечая на вопросы о себе. AdopteUnMec – фран-

⁵ Love at First Swipe? Explaining Tinder Self-Presentation and Motives, SAGE, 2017, vol. 5, Giulia Ranzini, VU University Amsterdam, The Netherlands Christoph Lutz, BI Norwegian Business School, Norway.

цузский пионер онлайн-дейтинга, позиционирующий себя как «феминистический». В своей рекламной кампании они предлагали женщинам выбрать себе пару среди мужчин на витринах.

Но моим любимым все равно остается Tinder, ведь каждый мэтч заставляет сердце биться чаще. Я просыпаюсь по утрам и сразу же хватаюсь за телефон, не успев встать с кровати, чтобы скорее узнать, сколько мужчин мне написали.

Я назначаю свидания одно за другим. Я придумала собственную технику: назначать свидания так, чтобы после них у меня всегда были другие планы. Например, можно договориться о встрече в баре в 19:00, с условием, что я приглашена на ужин или день рождения в 20:30. Так я оставляю себе возможность сбежать, если будет скучно или некомфортно (давайте честно, почти каждый раз именно так и бывает). В конце концов, если мы друг другу понравимся, всегда можно встретиться во второй раз.

Сидеть в Tinder на телефоне, конечно, весело, но каждый раз, когда я прихожу на свидание в кафе, кажется, будто все знают, что мы познакомились в интернете, и в этом есть что-то стыдное. К тому же вести беседу с абсолютно незнакомым человеком не так просто. Я всегда рассказываю одно и то же: «Да, да, я выросла в Бретани, переехала в Париж после школы, а ты откуда?», «Да, да, я журналистка, но не волнуйся, я не буду про тебя писать». (Ну... вообще-то это уже не совсем так!) Я мечтала о страстных поцелуях на пороге квартиры,

а теперь все это больше напоминает череду собеседований. Ну и ладно. Я испытываю свои силы соблазнения, и моему эго это только на благо.

* * *

Я больше не чувствую себя изгоем в спортзале, ведь теперь мои розовые кроссовки сочетаются с топом. Между занятиями я открываю приложение и вспоминаю свой первый приход сюда даже с некоторой жалостью.

Однажды в пятницу днем я снова здесь, сижу на лестнице, рядом – бутылка воды, я переписываюсь с четырьмя, пятью, шестью мужчинами одновременно. Ни одного из них я сегодня не вспомню. Я чувствую себя сильной, чувствую, что веду игру. Мне кажется, будто я стала одной из тех женщин, чьи истории девчонкой читала в мамином Elle. «Клоэ, 31 год, пресс-секретарь», которая «с улыбкой говорит, что у нее нет времени на любовь, залетая в офис со стаканчиком тыквенного латте в руке». Одной из тех тридцатилетних девушек из песен Венсана Делерма, которые я слушала в семнадцать лет.

С первого же дня в Tinder я перестала чувствовать себя неудачницей в любви. В своих последних отношениях я вечно боролась, боялась, ждала, ревновала, а потом чувствовала себя виноватой за эту ревность. С парнем, который был до этого, – то же самое. Сколько себя помню, я всегда была не на той стороне баррикад. Теперь же я чувствую, что все

kozyри – у меня, что я веду игру, что я вроде альфа-самки, волчицы во главе стаи. Что я уже не та, кто с дрожью ждет ответов на сообщения, не та, кто бегаёт за парнями. Наконец-то я освободилась от этих гигантских кальмаров...

«Ты принадлежишь к тому 1 % красавиц, которые получают все, что захотят», – пишет мне какой-то мужчина, и что самое ужасное – мне это нравится. Теперь я заняла выгодную позицию в этой иерархии, описанной в «Расширении пространства борьбы» Уэльбека.

Мои труды в спортзале дали свои плоды, я выгляжу круто, как никогда. К весне я осуществляю одно из своих главных желаний – покупаю джинсы-скинни 42-го размера. Светло-голубые джинсы от Zara, которые я буду носить, даже когда они станут мне маловаты. Для многих девушек размер джинсов – всего лишь цифра, но для меня это был священный Грааль. Когда я выходила из магазина, на глаза навернулись слезы. Похожие эмоции я испытывала после получения аттестата и водительских прав, поступления в престижный университет и публикации первой статьи. И мне кажется, это нормально.

Речь тут не об удовольствии от тренировок, пройденного марафона, преодоления себя или еще чего-то в этом роде. Нет и еще раз нет. В тот день я заплакала от счастья, потому что моя пятая точка наконец достигла официально признанного стандарта красивой задницы. Я всегда была толстушкой, а теперь как будто отомстила всем тем дебилам с уроков

физкультуры.

Я совершенно не отдаю себе отчет в том, что дело не в мести, я всего лишь присоединилась к их когорте и стала сама себя оскорблять. Себя из недавнего прошлого, когда я носила 46-й размер, – ту себя, к которой я, несомненно, скоро вернусь. Я оскорбляю всех женщин больше 42-го размера, поскольку чувствую свое превосходство над ними. Если честно – да, я злорадствую.

Я плачу от радости, хотя это скорее капитуляция. Я только что признала, что готова тратить деньги, время и силы, чтобы соответствовать чьим-то нормам. Радуюсь, что мое тело стало влезать в нужный размер одежды, я совершенно забываю, что это вещи должны мне подходить, а не наоборот. Лишь позже я пойму, что в этот момент я совершенно не уважала саму себя. Я – жертва сексуального капитализма и послушный щенок патриархата, спешащий выставить напоказ свой конформизм, виляя хвостом. И меня это больше не волнует, ведь, пока я барахталась в собственном величии, как поросенок в грязи, мой мозг совершенно атрофировался.

Но очень скоро я спущусь с небес на землю.

Глава 2

Секретная оценка

В офисе Figaro.fr, где я работала в течение трех лет, редакция начинается в 8:45. Прихожу чуть пораньше, чтобы почитать новости – я решила полистать американские новостные сайты в надежде выудить что-то интересное и предложить на летучке. Никаких идей. Но тут мое внимание привлекает одна статья на сайте Fast Company – это деловой журнал вроде Capital.

«Я выяснил свой тайный рейтинг востребованности в Tinder и жалею об этом»⁶. Остин Карп, автор материала, встретился с Шоном Рэдом, одним из основателей и генеральным директором Tinder, чтобы написать его профиль. Журналист узнал о существовании системы внутренней классификации пользователей Tinder за ужином, во время которого Рэдд похвастался, что его рейтинг выше, чем у других.

Оказалось, что каждый пользователь Tinder получает оценку в соответствии с его уровнем востребованности. Что? Я знала, что Uber выставляет оценки пассажирам, и мы с друзьями часто ради забавы сравниваем свои рейтинги.

⁶ I Found Out my Secret Internal Desirability Score and Now I Wish I Hadn't [онлайн], FastCompany.com, 11 января 2016 года.

Неужели Tinder тоже?

«Это не оценка внешней привлекательности, – объясняет Шон Рэд в статье. – Речь идет не о подсчете того, сколько раз вас свайпнули вправо или влево. Это очень сложная система, вычисляющая степень востребованности профиля. Мы потратили два с половиной месяца на разработку алгоритма, ведь во внимание надо принять огромное количество факторов».

Итак, каждому пользователю присваивается оценка по рейтингу Эло – это термин из мира шахмат, где именно с помощью него игроков распределяют в мировой классификации. Рейтинг Эло – часть особого раздела математики, теории игр. Она изучает и пытается спрогнозировать выбор человека в каком-либо взаимодействии.

Рейтинг был придуман в начале XX века Арпадом Эло, американцем венгерского происхождения, любителем шахмат и профессором физики. С тех пор система стала основой для множества классификаций не только в соревнованиях по игре в скрэббл или нарды, но и в спорте. В июне 2018 года FIFA даже заявила, что перейдет на рейтинг Эло для оценки игроков.

Рейтинг Эло – это коэффициент, присваиваемый каждому игроку в зависимости от предыдущих успехов в определенной области. Например, футболист зарабатывает очки, когда забивает голы или выигрывает матчи. Но поскольку обыграть мюнхенскую «Баварию» сложнее, чем «Генгам», за

каждый выигранный матч присуждается разное количество баллов. Чем сложнее игра, тем больше очков! Та же логика сработает, если вы проиграете противнику слабее.

«Если в игре World of Warcraft вы сражаетесь с сильным противником, то в конце битвы получите больше очков, чем если бы победили кого-то слабее», – поясняет в статье Fast Company продакт-менеджер Tinder. В приложении это работает так же: каждый раз, когда кому-то попадается ваш профиль, разыгрывается мини-турнир вроде шахматной партии или футбольного матча.

Вот как объясняет этот процесс менеджер: когда ваш профиль выпадает другому человеку, вы будто соревнуетесь с кем-то еще. Если против вас «игрок» с высоким коэффициентом и он вас лайкает – вы получаете очки. Если у него низкий рейтинг и он смахивает вас влево – очки снимаются.

Дочитав статью до этого места, я уже пришла в бешенство. В какой момент регистрации в Tinder нас предупреждают, что мы будем соревноваться? Как высчитывается изначальный коэффициент? Чем эта система выгодна пользователям? Почему у нас нет доступа к собственной оценке?

Продолжение статьи меня окончательно добило. После беседы с Шоном Рэдом, который «дразнил» его весь вечер, журналист направился в офис Tinder, чтобы узнать наконец свою оценку. Ни разу он не задался вопросом законности и справедливости подобных классификаций. В каждом слове статьи чувствуется намек на то, что Кремниевая долина –

это закрытый клуб, куда нам, простым пользователям, ни за что не попасть. И для членов этого клуба шутить за ужином, прямо перед обсуждением скрытой от пользователей информации – обычное дело. Затем Остин Карр встретился с командой дата-аналитиков и задал им один вопрос: «Ранит ли мое самолюбие информация, которой вы со мной сейчас поделитесь?»

И все? Неужели ему больше нечего у них спросить? Как оцениваются профили? Зачем? Где хранятся данные? Кому они принадлежат? Продаете ли вы их рекламодателям? Я уверена, что список пользовательниц был бы очень интересен косметическим компаниям, сетевым фитнес-клубам и даже другим сайтам знакомств, которые смогли бы запустить для них таргетированную рекламу под лозунгом «Устала от Tinder?».

Иду на редколлегию. Ничего не слушаю и не предлагаю никаких тем, чувствую себя виноватой. Но никак не могу отделаться от этой истории с оценкой. Беру телефон и потихоньку продолжаю читать статью.

«Ты точно хочешь знать? Я бы не был так уверен... – отвечает ему Солли-Нолан из команды аналитиков. – Доступ к личной информации не такой уж пустяк. Ты узнаешь, сколько людей свайпнули твой профиль вправо, а сколько – влево».

В итоге мы узнаем оценку Остина Карра – 946, это «средний балл». Но мы толком не понимаем, чему соответству-

ет эта цифра. 946 из скольки? По какой шкале? Если оценка меняется каждый раз, когда профиль попадает на глаза другому пользователю, то сколько раз в день, в час, в минуту или даже в секунду она обновляется? Вопросы так и остаются без ответов: статья построена вокруг эго автора, который пожалел, что узнал свою оценку, и этот опыт его жутко расстроил.

Интересно, как бы себя повела в такой ситуации журналистка, женщина? Разве мы не привыкли к тому, что все вокруг оценивают нашу внешность? Согласно исследованию Северо-Техасского университета, дейтинг-приложения вроде Tinder задевают мужское эго, ставя сильный пол в «положение женщины»⁷. «Мужчины вдруг оказываются в ситуации, с которой женщины сталкиваются постоянно. Их оценивают и судят исключительно по внешнему виду», — объясняют исследователи. Женщины, в свою очередь, давно усвоили недостижимость канонов красоты, поэтому годами страдают от заниженной самооценки и склонны к самообъективизации.

Я отлично помню свой первый опыт самообъективизации. Мне было 15 лет. Подруга Зоэ, с которой мы дружим с четвертого класса, написала мне письмо. Разъезжаясь на каникулы, мы всегда писали друг другу длинные письма розовы-

⁷ Love Me Tinder: Body Image and Psychosocial Functioning Among Men and Women, 21 июня 2017 года, Jessica Strübel, PhD, of the University of North Texas, with Trent Petrie, PhD, also of the University of North Texas.

ми, зелеными и синими ручками на тетрадных листах, меняя цвет чернил по ходу рассказа. Я всегда слегка завидовала (да и сейчас завидую) красоте и уверенности Зоэ.

Я на лыжном курорте. Жду родителей в машине, они отошли в магазин. Ну и хорошо, можно пока почитать последнее письмо Зоэ под светом витрин магазинчиков этой деревеньки, расположенной на склоне горы. В машине все еще тепло, хотя за окном минусовая температура. Я слышу запах холода, проникающего в салон сквозь щели. Скоро с дыханием изо рта начнет выходить пар, хоть я и не на улице. Я постоянно улыбаюсь, ведь мне недавно сняли брекеты, и я «очень горжусь своими новыми зубами».

Беру заледеневший мандарин, который весь день пролежал в машине, с трудом чищу его. Мерзлый фрукт нагревается в руках, мне удастся отломить кусочек. Дольки тают во рту, пока я читаю письмо.

Я уже забыла, о чем шла речь в остальном письме, но Зоэ рассказывала, как гуляла в парке с Тристаном⁸, нашим одноклассником. Тристан раздавал оценки девочкам из нашей компании – вот что я никогда не забуду. Помню округлый почерк Зоэ, абзац был написан зелеными чернилами, у нее был специальный прозрачный пенал для этих ручек с разными запахами. Зеленая, кажется, пахла яблоком. Зоэ поставили 9,5. Она всю жизнь была девочкой на 9,5. Я даже почти обрадовалась... Нет, давайте начистоту. Прости, моя бедная

⁸ Имя изменено.

Зоэ, я действительно очень обрадовалась, когда много лет спустя ты сообщила мне, что беременна, ведь наконец твоя фигура должна была измениться. Я дочитала оценки всех девочек из нашей компании. До сих пор помню, как меня ранил тот факт, что я получила худшую – 5 из 10. «Какого черта? И это несмотря на мои проклятые новые зубы?» – подумала я. «Тристан сказал: поставим ей средний балл, потому что она очень милая! Но немного толстовата», – потрудились передать подробности Зоэ.

Я ненавидела ее за то, что она нашла время, чтобы записать комментарий Тристана, запомнить каждое слово, каждое существительное, прилагательное и наречие. «Немного» – это он сказал или она добавила из угрызений совести? Мозг закипает от того, как сильно мне хотелось возражать и Зоэ, и Тристану. Я не знаю, с чего начать, не знаю, что кричать. Но крик сковывает железная уверенность в том, что я сама виновата в своих несчастьях. Где-то в глубине интуиция подсказывает, что нанесенное мне оскорбление несправедливо, но вместо того, чтобы это признать, я позволяю унижению поглотить меня. Оно шепчет, что я сама во всем виновата, оно поворачивает мой же гнев против меня: я слишком толстая, я недисциплинированная, у меня нет силы воли, никто не полюбит такую толстую, как я.

Такие приступы гнева стали для меня привычными, я испытывала их десятки, сотни раз. Самый ранний, насколько я помню, случился со мной в возрасте семи или восьми лет.

По дороге в школу я пыталась понять, действительно ли мои бедра стали сильнее тереться друг об друга при ходьбе, чем вчера. Я наблюдала за тем, как протирается ткань моих лосин в цветочек, смотрела на других девочек и гадала – а у них так же?

Тем утром, вернувшись с редколлегии, я делаю то же самое: исследую движения бедер, рассматриваю, протерта ли ткань, трясется ли жирок?

Ведь в глубине души я, как и Остин Карр, мечтаю о высокой оценке. Зачем она мне? Чтобы отыграться за прошлое? Чтобы потешить эго? Во мне бурлят противоречивые эмоции. С одной стороны, я хочу быть Зоэ, официально признанной красоткой, которой ставят 9,5 из 10. С другой – меня бесит сам факт того, что нас оценивают и объективизируют, словно вещи. Эти мысли скрежещут в моей голове, два порыва вступают в непримиримую борьбу.

Но они, будто кремни, которые дают искру от соприкосновения, высвобождают во мне вулканическую энергию. Мне просто необходимо больше информации. Даже если бы я не была журналисткой, мною бы овладело непреодолимое желание как можно больше разузнать об этой системе оценок. Само ее существование задело меня за живое. Да, я хочу быть красивой, но не слишком переживать на этот счет; хочу быть соблазнительной, но чтобы при этом меня воспринимали как личность, а не объект. Все эти страхи и тревоги между фривольностью и феминизмом разгорелись во мне с новой си-

лой. Я хочу выяснить свою оценку и понять, как работает самое успешное приложение App Store с оборотом 800 миллионов долларов в 2018 году.

Tinder теперь не публикует общее количество своих пользователей⁹. В конце 2015 года речь шла о 60 миллионах подписчиков. То есть о 60 миллионах секретных оценок. Страшно даже подумать, как это выглядит. Мне представляется бесконечная таблица Excel, заполненная мелким шрифтом, где содержатся имена всех пользователей на десятках языков в первом столбце, а в соседнем – оценка. Или, например, виртуальный рынок, наподобие Уолл-стрит, где можно в режиме реального времени наблюдать, как меняются котировки предприятий, но вместо фирм здесь представлены 60 миллионов фотографий из Tinder, а рядом трехзначное число, которое постоянно меняется. Среди них затерялась и моя фотография с синим шарфом у входа в Тейт Модерн. Интересно, с какой оценкой?

⁹ Tinder сообщает только о количестве пользователей с платной подпиской. Их 4,1 миллиона по состоянию на конец 2018 года.

Глава 3

Поторопись

Начинать расследование – скучная и неблагодарная работа, которую никогда не показывают в сериалах и фильмах про журналистов. Никаких вам тайных ночных встреч и передач заветных флешек на подземных парковках.

Нет, ничего подобного.

Это больше похоже на работу торгового представителя – ведь надо отправлять десятки, сотни мейлов. В продюсерских конторах, выпускающих передачи вроде «Специального корреспондента», работают десятки «следователей». Часто это молодые, только выпустившиеся журналисты, которые выполняют всю черновую работу перед тем, как в бой вступят их более опытные коллеги. Они связываются со всеми, кто так или иначе имеет отношение к объекту их изучения, беседуют с журналистами, которые хотя бы кратко писали на схожую тему, в поисках зацепок. И ради одной такой стоящей зацепки порой приходится опросить десятки людей.

На телевидении все не так просто. Среди согласившихся пообщаться респондентов нужно отобрать тех, кто хорошо смотрится на экране, выглядит достаточно презентабельно и умеет складно излагать свои мысли. Я отлично знаю, как это работает, ведь сама была следователем-фиксером в аме-

риканской продакшн-компании. Фиксер – это человек, который помогает иностранным журналистам работать в своей стране.

За меня, естественно, никто не будет проводить предварительное расследование. Я наливаю кофе, сажусь за кухонный стол прямо в пижаме и составляю список того, что надо сделать перед началом расследования. Я только что уволилась из Figaro, так что теперь работаю из дома. Это была отличная работа, но она стала мне надоедать. К тому же хотелось бы строить карьеру в издании, более подходящем мне по духу. Так что я перешла на фриланс и поклялась работать только над теми сюжетами, которые мне действительно интересны. Например, над оценкой в Tinder!

Я должна связаться со CNIL¹⁰, французским государственным органом по защите персональных данных, чтобы узнать, как получить доступ к информации в Tinder, имеющей отношение ко мне лично. Я также обращаюсь в потребительские общества, к адвокату, к активистам по защите прав в цифровом пространстве... Забрасываю десятки уведомлений, как рыбак, и только потом буду разбирать улов. Разумеется, я пишу в Tinder. Но нет никакой гарантии, что в конце концов мне удастся выяснить свою оценку.

Я сочинила письмо-шаблон, которое персонализирую для каждого адресата. Например, обращаясь к эксперту, всегда

¹⁰ Commission nationale de l'informatique et des libertés – Национальная комиссия по вопросам информационных прав и свобод Франции. – Прим. ред.

важно добавить пару слов о том, почему вы решили написать именно ему, и заодно показать свою осведомленность в его работе. Нотка лести никогда не повредит. Раньше я на такое не решалась, думала, что это «слишком», но потом заметила, что куда чаще люди отвечают на письма, в которых были фразы вроде «для нас будет честью представить читателям вашу экспертизу». Важно заранее уточнить, чего вы ждете от собеседника, либо дать ему несколько вариантов. Обычно я формулирую предложение примерно так: «Для начала мы могли бы поговорить неформально, не для публикации, прежде чем обсуждать ваше возможное участие в проекте». «Обсуждать», «возможное» – нужно оставить собеседнику место для маневра, уверить его, что речь пока не идет ни о каких обязательствах и его никто не торопит.

Впрочем, я так пишу, словно нашла волшебный рецепт успеха, но на самом деле мне пока все отказывают. CNIL не отвечает. Представители ICO¹¹, британского государственного органа, отвечающего за защиту персональных данных, ответили, что не смогут мне помочь. Tinder – американская компания, а значит, мой вопрос находится вне их юрисдикции. Я обратилась в несколько французских ассоциаций по защите прав потребителей, но все они ответили одно и то же: ничем не можем вам помочь, поскольку вы используете американский продукт. Создается впечатление, что законы

¹¹ Information Commissioner's Office – Британская информационная комиссия. – *Прим. ред.*

максимально далеки от реальности. Получается, чтобы мои права уважали, мне придется пользоваться только французскими приложениями для знакомств?

Чувствую себя шизофреничкой. Даже в перерывах между отправкой писем, связанных с расследованием, я хватаюсь за телефон, чтобы проверить Tinder. Я пользуюсь приложением уже полтора года и открываю его как минимум раз в день. В метро, когда смотрю телевизор или просто валяюсь в кровати. Может быть, стоит полностью от него отстраниться? Не будет ли лучше для этой работы, если я выйду из контекста выбранной темы? Вряд ли.

На самом деле я просто не могу остановиться. Tinder стал частью моей ежедневной рутины, как чистка зубов или утренний кофе. Открываю приложение, вижу кучу новых мэтчей, радуюсь, закрываю. Перевариваю.

Если бы я взялась за расследование, не объяснив, почему эта тема меня так трогает, не показав изнанку своей жизни, не рассказав о собственных похождениях, может быть, я казалась бы объективнее и серьезнее. Но это было бы нечестно. Я неспроста взялась за это расследование, это не доверенный мне кем-то сюжет — это *моя* тема, мое приключение.

Что касается моей личной жизни, начальная Tinder-эйфория быстро прошла. Достигнув пика, она закончилась так же резко, как и началась. Случилось это после истории с Хаски. А Мистер Лонг-Айленд забил последний гвоздь в крышку гроба.

Мы встретились с Хаски – я так прозвала его за ярко-голубые глаза – через несколько часов после того, как случился мэтч. Он стал первым, кто мне действительно понравился в самом начале моего опыта с Tinder, когда приложение еще тешило мое самолюбие. Я страшно скучала во время субботнего дежурства в Figaro, и он приехал пообедать со мной. «Я буду в светло-голубых джинсах», – уточнила я, чтобы Хаски точно меня узнал. В тех самых джинсах 42-го размера, которые я надевала чуть ли не каждый день, пока могла в них влезть.

Место встречи – бульвар Османн. Я вижу, как он переходит дорогу, чтобы поздороваться со мной, и мое сердце сразу ёкает. Почему некоторые люди нравятся нам вот так, с первого взгляда? Это все из-за темно-синей куртки? Или кроссовок цвета хаки? Может, из-за мечтательного взгляда? Мы застенчиво целуем друг друга в щеку и молча направляемся к террасе кафе, расположенной в нескольких шагах. С ним мне не страшно, что люди догадаются, как мы познакомились, я даже немного горжусь.

Однако наша беседа проходит не так гладко.

Он устоялся в свой латте и лишь изредка осторожно поднимает взгляд – когда я отворачиваюсь в другую сторону. Я осознаю это через некоторое время, когда краем глаза замечаю, что он смотрит на меня. Так что я ничего не делаю, притворяюсь, что не вижу, позволяю ему рассмотреть меня, сижу прямо, втягиваю живот, стараюсь выдохнуть сигаретный

дым чувственно, как актриса. Надеюсь, я не выгляжу нелепо и покажусь ему красивой. Потом он скажет, что смотрел на мои губы, что обожает мои губы. Пока он присматривается, кажется, будто он ласкает меня кончиками пальцев, как гладят спящего, которого не хотят разбудить.

Эта игра в гляделки длится всего несколько секунд, но мое дыхание незаметно ускоряется. «Пожалуйста, не порть все, не рассматривай меня сальным взглядом с головы до пят, – беззвучно умоляю я. – Даже если ты думаешь, что я тебя не вижу, не будь таким мерзким, прошу!» Женщины знают этот взгляд. Взгляд сексуальных маньяков, взгляд, который вас пожирает, раздевает, унижает. Хаски не сводит глаз с моего лица, а потом снова опускает взгляд в чашку кофе. Разговор возобновляется, уже не помню о чем, я едва его слушаю.

«Что ты делаешь вечером? Клянусь, я буду более разговорчив после пары кружек пива». Я улыбаюсь, прочтя его сообщение, полученное в лифте сразу после того, как мы расстались. Еще больше улыбаюсь, когда после тех самых двух кружек пива он целует меня на стоянке каршеринга на площади Республики. Я улыбаюсь, но мне страшно.

После первого поцелуя я предельно ясно и четко заявляю о своих намерениях: я не ищу ничего серьезного и совершенно точно не хочу снова влюбляться, «слышишь, никогда!». Сейчас я понимаю, что вела себя как маленькая девочка, которая произносит заклинание в надежде, что слов бу-

дет достаточно, чтобы что-то предотвратить. Особенно если это «что-то» на самом деле уже происходит.

История с Хаски длилась четыре месяца. Мое сердце билось быстрее каждый раз, когда я видела на экране телефона голубые кружочки его сообщений, когда он скидывал мне фотографии всех парковок каршеринга, мимо которых проезжал, или признавался, что нюхает пробники моих духов, когда скучает по мне. Я шикаю, когда он слишком громко смеется в постели, ведь мы можем разбудить моих соседей по квартире. И все это время в голове крутится один и тот же вопрос: если это не воспоминание, не возвращение к прошлому, то, быть может, это рождение новой любви? В конце концов, Жюдит, чего бояться? Ты теперь не просто середнячок на 5 из 10, плыви по течению, ведь ты достойна любви!

– Я никогда не смогу полюбить девушку из Tinder. Это невозможно.

Все тот же ускользающий взгляд, который меня соблазнил, но на этот раз он уставился в кружку пива на террасе кафе на Фобур-Сен-Дени. В Париже столики в кафе всегда стоят очень близко друг к другу, и я боюсь, что другие посетители нас услышат. Боюсь, что они поймут, что меня бросает молодой человек. В тот момент я почему-то сфокусировалась именно на этом. Не хочу, чтобы соседи нас услышали, не хочу потерять лицо. Отвечаю шепотом, наклонившись к нему, в надежде, что он поступит так же:

– Какая разница, что мы познакомились в Tinder? Я все

тот же человек...

К тому же я такая красивая! Так и хотелось добавить, что я никогда еще не была такой стройной. Я никогда еще не была такой милой! Хаски, да что на тебя нашло? Смотри, я ношу джинсы 42-го размера! 42-го! Неужели даже стройных девушек бросают? Почему ты меня не любишь?

– Что?

Он говорит слишком громко, соседи оглядываются. Что подумает эта идиотка в очках? Если она догадалась, то точно будет смеяться надо мной со своим другом, когда я уйду: «Ну да! А что она думала? Хотела найти любовь в Tinder?»

– Но... Но я ведь все та же?..

– Я знаю. Честно, все было иначе, если бы мы познакомились на работе или где-то еще. Но не в приложении для перепихона...

– Но почему? Что это меняет?

– Это не одно и то же. Сперва я строю дружеские отношения, а уже потом влюбляюсь.

– А, ну да, ну да... Я понимаю, – соврала я в конце разговора.

Вот так закончилась наша история. Поскольку официально мы никогда не были вместе, я стараюсь убедить себя, что официально не грущу.

Месяц спустя я соглашаюсь на свидание с мужчиной, разговор с которым никогда не забуду. Мы встречаемся в итальянском баре возле моего дома. Он довольно симпатичный

парень, поначалу я надеюсь, что мы понравимся друг другу и он заставит меня забыть Хаски.

Едва сев за стол, он начинает все критиковать. Кажется, первое, что он мне сказал, было: «Мне понравилось, что ты сама выбрала бар. Обычно девушки оставляют все решения парням, и это вообще не круто. Ты берешь инициативу на себя, это хорошо. Но я разочарован выбором места».

Он спрашивает совета у бармена, не знает, какой коктейль выбрать. Я не слышу ответа, но в глазах своего собеседника вижу растущее раздражение. Он кладет на стол меню с тяжелым вздохом.

– Ну раз так, я возьму «Лонг-Айленд».

Я его уже возненавидела, но все еще надеюсь, что ситуация может наладиться. «В начале свидания ты был невыносим», – представляю себе, как весело признаюсь ему через несколько часов. Я пытаюсь встретиться взглядом с официантом, пока делаю заказ, чтобы улыбнуться ему и дать понять, что я не такая, как мой спутник. Но официант смотрит в пол.

– Здорово, журналистка Figaro, завтра расскажу коллегам, что выпивал с тобой в баре, это круто звучит.

Я делаю два больших глотка своего напитка и беру его стакан: «Можно попробовать твой „Лонг-Айленд“?» Хочу поскорее напиться, чтобы это свидание перестало быть настолько ужасным.

Надо было немедленно встать и уйти, надо было. Отве-

чаю на вопросы, которые он мне задает, и все думаю, как бы выкрутиться. Встать и уйти? Сказать: «Извини, но это не мое», «Извини, мне жутко некомфортно», «Прости, но ты козел». Почему я вообще должна *извиняться*, почему извиняться должна я?

– Сколько, говоришь, тебе лет? 28?

– Да, 28.

– А, тебе повезло, выглядишь моложе. Но, знаешь, хочу тебе сказать, ты поторопись. После 30 начинается война! Все мои коллеги-женщины в отчаянии.

Этот парень вообще с кем-нибудь общается, кроме коллег?

– Тебе только исполнилось 28 или скоро уже 29?

Он выводит меня из себя своей заикленностью на возраст.

– Ты так говоришь, потому что тебе уже 34 и у тебя никого нет?

– Нет, у парней все по-другому, у нас куча времени, мы можем делать детей всю жизнь. К тому же мужчина всегда выберет женщину моложе, чем он, и это нормально. Пока что у тебя все нормально, у тебя есть все, что надо. Знаешь, когда мы с коллегами обедаем на террасе кафе или в ресторане, то смотрим на женщин и думаем, что им надо сделать, чтобы выглядеть идеально.

Неужели! Значит, это чувство, что нас судят по внешности, не только у нас в голове, и не только Tinder ставит нам

оценки!

— Я бы с ними обсудил твою грудь, с самого начала, кажется, на нее смотрю. Она так же классно смотрится без лифчика? Ну а что? Ты же в Tinder не просто так? Разве нет?

Я закрываюсь в себе, словно устрица, встаю, надеваю куртку, выхожу из бара. Слышу, как он что-то кричит мне в спину, но инстинктивно его игнорирую, не улавливаю ни одного внятного звука. Оставляю ему счет за этот чертов «Лонг-Айленд» и мой бокал розового вина.

Я поднимаюсь на третий этаж, тяжело шагая по лестнице, в оцепенении сажусь на диван прямо в пальто и с сумкой. Я в диком бешенстве. На него, конечно же, но и на себя. Этот козел написал мне сообщение: «????????» Блокирую его номер.

Удаляю его в Tinder. Но этого недостаточно. На меня подействовал яд его отвратительных слов. Ненавижу себя за то, что не поставила его на место, что у меня не нашлось слов, чтобы заткнуть ему рот. За то, что не нашла лучшего варианта провести вечер, чем встречаться с таким парнем. Я думаю обо всех тех девушках, которые сейчас возвращаются домой с любимыми, садятся вместе ужинать, а потом посмотрят хороший фильм с бокалом вина. А меня довел первый попавшийся придурок.

Хватит себе врать. Первый год доказал, что быть одинокой гораздо труднее, чем я себе представляла. Я скучаю по Хаски и все еще надеюсь получить от него сообщение, кото-

рое так и не приходит. Почему нельзя влюбиться в девушку из Tinder? Я ведь делаю ВСЕ, что от меня требуется: я стройная, у меня длинные волосы и хорошее чувство юмора, я выполняю свою часть договора – почему же ничего не получается? Может, тот козел прав? Я уже старовата? Уже? Как это могло произойти так быстро?

Я продолжаю пользоваться приложением, но не решаюсь ни с кем заговорить. Я перешла в режим «подводной лодки» или «наркомана в завязке», как шутит Зоэ.

Мне страшно. Неужели так будет со всеми парнями? Какая разница, что мы познакомились в Tinder? Ответ потихоньку сам приходит ко мне. Человек, который не может полюбить вас из-за Tinder, – это человек, который просто не может вас полюбить, вот и все.

Глава 4

Мираж

Первый ответ на мои письма приходит от... Tinder. Через несколько дней мне назначают встречу на десять утра в кафе на Елисейских Полях с Жюлией и Луи¹² – консультантами в Navas, одним из крупнейших рекламно-коммуникационных холдингов Франции. Они занимаются связями Tinder с французской прессой. То есть для меня они одновременно и провожатые, и суровые охранники в мире Tinder. Они соглашаются встретиться и неформально со мной побеседовать, чтобы понять, «как мы могли бы сотрудничать». Они не скрывают, чем я их заинтересовала: я работаю с еженедельником Grazia и с его интернет-версией.

Оказывается, для сайтов знакомств «стоимость приобретения» пользователя женщины гораздо выше стоимости пользователя мужчины. На языке маркетинга этот термин обозначает затраты, необходимые для привлечения нового клиента, и женщин им гораздо сложнее заполучить. Поэтому упоминание на страницах женского издания для Tinder – большая удача.

Я говорю им, что специализируюсь на социальных темах. Никто не знает, что моя главная цель – раздобыть собствен-

¹² Имена изменены.

ную оценку Эло. Сотрудничество с журналом Grazia идеально подойдет для моей задачи. Сейчас я предложу изданию пару сюжетов про Tinder, к тому же Grazia на редкость хорошо платит фрилансерам. Тем временем, я смогу подобраться поближе к Tinder как человек, способный помочь им в битве за французских пользовательниц. В итоге я получу возможность задать большим начальникам «настоящие вопросы». Как минимум я на это надеюсь. Я доверяюсь инстинкту, действую на ощупь. Чтобы заполучить мою оценку Эло, нужно, чтобы эти двое были на моей стороне. Я захожу в кафе, полная решимости заслужить их уважение.

Луи и Жюлия уже здесь. Они выглядят как типичные консультанты. У Луи идеально стриженная борода, он одет в темно-синий пиджак поверх безупречной рубашки и джинсы. Приятная улыбка и кашемировый джемпер – это Жюлия. Доброжелательный тон, сразу переходим на «ты», я слегка дразню их: «Вы позвали меня в шикарный район!» «Вы не подумайте, я сам живу на востоке Парижа», – улыбается Луи в ответ. Они очень милы. Мы примерно одного возраста, вероятно, с примерно одинаковым бэкграундом, и я не удивлюсь, если у нас есть пара десятков общих друзей в «Фейсбуке». «Не дай себя умаслить, это ведь их работа – быть милыми», – шепчет тихий голос в голове.

После знакомства речь заходит о Шоне Рэде, директоре Tinder и одном из создателей приложения. Тридцатилетний бизнесмен – сын иранских иммигрантов, выросший в Бевер-

ли-Хиллз. На тринадцатый день рождения родители подарили ему первый смартфон, чтобы он не так сильно переживал из-за прыщей. По крайней мере, так он сам рассказывает в журнале *Rolling Stone*¹³. Шон мечтал стать рок-звездой, но родители дали ему понять, что в первую очередь надо зарабатывать деньги. Он поступил в бизнес-школу Университета Южной Калифорнии, но не вынес жизни в кампусе и вернулся к родителям.

В 2006 году он создал Adly, платформу, с помощью которой знаменитости могут управлять разными аккаунтами в социальных сетях. В 2012 Рэд продал свою долю в Adly и присоединился к Hatch Labs, инкубатору, где создаются мобильные приложения, финансируемому IAC (InterActiveCorp) – гигантской американской интернет-корпорацией, которой принадлежат 150 брендов по всему миру, в том числе Vimeo, CollegeHumor, Dictionary.com и самая крупная в мире группа в сфере дейтинга Match Group.

Именно здесь в сотрудничестве с еще пятью разработчиками, в числе которых лучший друг детства Рэда Джонатан Бадин, он придумывает Tinder. Шон Рэд рассказывает, как ему пришла в голову идея создания приложения, в интервью *Business Insider*¹⁴: они с друзьями сидели в кафе, когда ему

¹³ Inside Tinder's Hookup Factory [онлайн], *RollingStone.com*, 27 октября 2014 года.

¹⁴ What it's really like to build a \$3 billion start-up in your 20s [онлайн], *BusinessInsider.com*, 14 февраля 2017 года.

вдруг улыбнулась женщина. Он описал, как именно понял, что ее улыбка была, по сути, приглашением к диалогу. Эта улыбка внушила уверенность человеку, который считал себя «очень застенчивым». Шон Рэд стал одержим идеей создания социального аналога «double opt-in» – это маркетинговый термин, означающий двойное подтверждение подписки. Он понял, что надо гарантировать людям взаимный интерес, прежде чем дать им возможность общаться. Гениальная находка состоит в устранении страха перед отказом.

В тот момент, когда я встречаюсь с Луи и Жюлией, Шон Рэд только что дал свое первое интервью ежедневной газете Evening Standard¹⁵. Его вот-вот подхватит вся мировая пресса. Шон Рэд в нем кажется... непостижимым. Он неуклюжий, трогательный и в то же время – опасный мачо.

Шон Рэд описывает свою зависимость от Tinder. «Каждую неделю я влюбляюсь в новую девушку, – шутит он, в то же время называя себя одиноким. – Я очень сосредоточен, сейчас судьбоносный период для Tinder, и у меня просто нет на это времени». Он утверждает, что спал всего с двадцатью девушками, в отличие от других пользователей приложения. А еще он отверг модель, которая умоляла его вступить с ней в сексуальную связь. «Она была одной из красивейших женщин, что я видел, но это не значит, что я хочу сорвать с нее одежду и переспать с ней. Притяжение – это сложный фе-

¹⁵ Tinder? I am an addict, says hook-up app's co-creator and CEO Sean Rad [онлайн], Standard.co.uk, 18 ноября 2015 года.

номен. Меня привлекали женщины, которые были... Которых мои друзья могли бы назвать уродинами. Честно говоря, мне наплевать, модель или не модель. Правда. Я знаю, звучит как клише или как фраза, которую не услышишь от мужчины, но это правда: мне нужен интеллектуальный вызов». Неужели для Шона и его друзей настолько невероятна мысль, что женщина – больше, чем просто тело, а мужчина – больше, чем животное? «Кажется, есть слово, описывающее людей, которых привлекает интеллект, – продолжает Шон Рэд в интервью. – Что это за слово? На языке вертится содомия». Его пресс-атташе и автор статьи смеются. «Что? Что я такого сказал?»

Больше всего в этом интервью мне понравилось, как Шон радостно рассказывал журналистке, сколько зрителей пришло на его выступление на последнем Web Summit (грандиозная технологическая конференция, куда съезжаются ведущие игроки со всего мира) в Дублине. «Было больше народу, чем на выступлении Instagram, – в его реакции слышен восторг маленького мальчика. – Зал был полон кричащих фанатов! Как на концерте. Сегодня технологии стали гораздо важнее, чем раньше. Это новый рок». Я сразу вспомнила о его юношеской мечте стать звездой. Кажется, будто он хочет убедить себя, что ему не о чем сожалеть.

Однако дальше в интервью проскальзывает совсем иной тон. Журналистка упоминает статью, появившуюся ранее в Vanity Fair. Американская корреспондентка Нэнси Джо

Сэйлс провела первое тщательное исследование влияния Tinder на общество, описав апокалипсис в мире дейтинга. Шон Рэд сразу закрылся, услышав ее имя, и пригрозил раскрыть некую информацию о ней: «Я и сам провел расследование. Есть некоторые факты, которые заставили бы вас взглянуть на эту журналистку по-другому».

«Журналисты были жестоки с Шоном, надо понимать, что он не был готов к такому успеху приложения, – объясняет Луи. – На самом деле он застенчивый человек, оказавшийся на вершине, он честно отвечает на вопросы журналистов и искренне радуется успеху у женщин!» Я соглашаюсь с ним: «В конце концов, это концепция Tinder – флиртовать, не боясь отказа, его радость понятна». Я нарочно преувеличиваю, ведь хочу оставить о себе хорошее впечатление.

– Многие говорят, что Tinder популяризирует потребительское отношение к другим людям, что вы об этом думаете?

– Это ограниченный и предвзятый взгляд на реальность, – отвечает Луи, – к тому же гипертрофированный социальными сетями. Многие пользователи соцсетей выкладывают самые ужасные диалоги из Tinder и других приложений, и некоторые из них, признаюсь, стоят того. Но никто не говорит о тысячах свадеб, детей или просто отношений, которые начинаются с Tinder.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.